

МИРЧА ЭЛИАДЕ

**«ИСКУССТВО УМИРАТЬ»**  
ОЧЕРКИ О ТАНАТОСЕ И ЭРОСЕ



ТОТЕНБУРГ

МОСКВА 2021

УДК 128  
ББК 87  
Э46

***Все права на книгу находятся под охраной издателей.  
Ни одна часть данного издания не может быть воспроизведена  
каким-либо способом без согласования с издателями.***

*Перевод с румынского — Юлия Горноскуль.  
Под редакцией Андрея Игнатьева.*

**Элиаде М.**

**Э46** «Искусство умирать». Очерки о Танатосе и Эросе — М.: Тотенбург, 2021. — 272 с.

**ISBN 978-5-9216-2379-8**

*Смерть — одна из фундаментальных тем в творчестве Мирчи Элиаде (1907–1986 гг). Всемирно известный историк религий пытался постигнуть ее феномен при жизни, научиться тайному искусству умирать — и возродиться. В данной книге собраны те очерки и главы из работ Элиаде, в которых он касался философии, метафизики и мистики смерти. Подробно рассматривается трактовка смерти как великой инициации и дальнейшее оформление этой идеи в языческих мистериальных культах. Отдельные страницы посвящены орфизму, в котором механизм смерти-возрождения был переосмыслен на духовном уровне. Также Элиаде уделяет максимум внимания эротической мистике на примере индуистских школ сахаджия и тантра. Сборник завершают варианты выхода из колеса перевоплощений при помощи аскетико-медитативных практик.*

**УДК 128  
ББК 87**

© Юлия Горноскуль,  
перевод с румынского, 2021

**ISBN 978-5-9216-2379-8**

© Издательство «Тотенбург», 2021

# СОДЕРЖАНИЕ

ЭЛИАДЕ И «НЕВЕСТА МИРА».	
ПРЕДИСЛОВИЕ ПЕРЕВОДЧИКА.....	6

## I. ТАНАТОС

---

1. КНИГИ СМЕРТИ.....	17
Египетская Книга мертвых .....	17
Литература самого набожного народа на земле .....	21
Тибетская Книга мертвых .....	29
Агония и переход .....	34
Рай и ад в тибетской Книге мертвых .....	38
2. УЖАС ПЕРЕД ВРЕМЕНЕМ .....	41
Зимняя тетрадь .....	41
Религиозный символизм и значение экзистенциальной тревоги .....	45
3. ОПЫТ СМЕРТИ .....	66
Представление смерти у примитивных народов .....	66
Символизм инициатической смерти .....	76
Об определенном чувстве смерти .....	82
Нефилософские фрагменты .....	86
О юности и старости.....	91
О смерти и литературной истории .....	95

## II. ЭРОС

---

1. МИСТИЧЕСКАЯ ЭРОТИКА БЕНГАЛИИ .....	100
Введение.....	100
Эротические ритуалы.....	108
Женщина и любовь .....	113
Тайный язык индийских мистиков, сандхья-бхаша.....	118
Расшифровка Песней Канхи.....	120
Словарь намерений .....	124
Стихотворения Канхи и Сарахи.....	127
2. ЭРОТИЧЕСКАЯ МИСТИКА.....	131
Магия и эротика.....	131
Секс.....	137

## III. РЕИНТЕГРАЦИЯ КОСМОСА

---

1. ПРЕДВИДЕНИЕ: АЛХИМИЯ, МЕТАПСИХИКА.....	142
Китайская алхимия.....	142
«Смерть и «воскрешение» металлов .....	148
Магия и метапсихика .....	150
Духовность и женское таинство .....	155
2. БОЖЕСТВА НАЧАЛ.....	164
От Gang zu den Müttern к Magna Mater.....	164
Mutter Erde.....	170
Ритуалы Матери-Земли.....	173
Богини земли.....	176
«Время» и «Судьба».....	183
Богородица.....	187

3. МИСТЕРИАЛЬНЫЕ БОЖЕСТВА.....	196
Исида и Осирис .....	196
Мистерии и восточная инициация. Тайна .....	201
Миф и магический ритуал.....	203
Таммуз-Осирис-Аттис .....	205
Аграрный характер мистериальных божеств.....	208
Что представляли собой мистерии? .....	210
Выводы.....	211
Дионис-Загрей.....	212
Орфей и орфическая инициация.....	218
Профессор Маккиоро и вилла Итем.....	221
Орфические мистерии в Помпеях .....	222
Религия Пляски духа .....	227
Выводы относительно персоны Орфея.....	229
Загрей и первородный грех.....	229
Слава и упадок орфизма.....	231
Орфическая община.....	234
Дионис-Христос .....	236
IV. ПУТЬ К СПАСЕНИЮ.....	241
1. МЕДИТАЦИЯ И АСКЕЗА.....	241
Очерк по индуистской иконографии .....	241
Метафизика упанишад (I) .....	246
Метафизика упанишад (II) .....	253
Религиозные мотивы в упанишадах.....	260

# ЭЛИАДЕ И «НЕВЕСТА МИРА»

## ПРЕДИСЛОВИЕ ПЕРЕВОДЧИКА

Известно, что Мирча Элиаде намеревался написать отдельную книгу о мифологии смерти. К сожалению, его замысел остался незавершенным. Он успел выпустить только работу о «Миорице» (*Mioara năzdrăvană*), в которой коснулся миоритического мифа и отношения к «невесте мира»<sup>1</sup>, характерного для румынского народа. Также в его архиве остались тексты о мифологии смерти и погребальных обрядах, которые он составлял для лекций и семинаров, преподавая в Чикагском университете, — и которые он, вероятно, намеревался положить в основу новой книги, как это произошло с лекциями о легенде о мастере Маноле<sup>2</sup>.

Однако уже начиная с юности Элиаде поразительно много размышлял о смерти, постоянно обращался к ней в очерках и с пристрастием собирал материал по архаическим техникам умирания. Более того, большинство его художественных произведений, в особенности послевоенных, проникнутых тоской по родине, заключают в себе феноменологию смерти (например, «У цыганок», «Иван», «Запретный лес», «Юность без юности»). Таким образом,

---

<sup>1</sup> В балладе «Миорица» смерть зовется «невестой мира». См. комментарий Василе Александри к балладе: «Смерть! Она царица над людьми и она же — невеста мира. Всякий человек повенчан со смертью с момента своего рождения» (*Alecsandri V. Poezii populare ale românilor*).

<sup>2</sup> См. *Элиаде М.* Комментарии к легенде о мастере Маноле. — М.: Тотенбург, 2020.

можно сказать, что «Мифология смерти» писалась Мирчей Элиаде на протяжении всей его научно-литературной деятельности. Но как феномен смерти остается до конца непостижимым, так и «Мифология смерти» осталась в призрачной форме, рассеянная по множеству изданий профессора. Элиаде предоставляет вездливому читателю самому совершить подвиг в познании *смерти при жизни* — собрать эти разрозненные фрагменты самостоятельно и сделать собственные выводы.

Книга, которую читатель держит в руках, не претендует на то, чтобы охватить абсолютно все материалы Элиаде по танатологии. Однако она содержит основные идеи профессора, которые встречаются во всех его исследованиях и которых он то касался вскользь, то раскрывал со множеством примеров — в зависимости от формата публикации. Данный сборник составлен по предположительному сценарию Элиаде, таким образом, чтобы читатель прошел путь от психоментального переживания смерти к ее многочисленным символическим ипостасям. Он включает в себя как главы из крупных исследований, так очерки и статьи, еще незнакомые русскоязычной аудитории.

Мирча Элиаде множество раз подчеркивал, что несмотря на православное воспитание, отклик у него вызывает именно языческая концепция мироустройства. Неудивительно, что языческая трактовка смерти — *смерть как великая инициация* — доминирует и в произведениях Элиаде, и в его личных записях (все ключевые события своей жизни он рассматривал сквозь призму инициатической смерти). По Элиаде, смерть — это переход к другому уровню бытия, к другой форме существования. Это также

путь к «великому просветлению», который подобен выходу из темного лабиринта Истории и лимитированного Времени. Всевозможные мифологии единодушно предлагают нам один и тот же образ: умерший подобен семени, погребенному в лоне Матери Земли, — он возродится вновь. Итак, смерть влечет за собой новое рождение: Эрос ступает за Танатосом след в след, и колесо бытия делает новый оборот. Говоря об Эросе, отметим, что часть этого сборника, посвященная магической эротике, намеренно содержит материалы по индуизму — поскольку Элиаде питал искреннюю страсть к индийской культуре и духовности. Цикл продолжает идея реинтеграции космоса и возрождения, которая легла в основу мистериальных культов и в дальнейшем стала краеугольным камнем в концепции индивидуального спасения. Языческая концепция о вечном возвращении согласуется с индуистской диалектикой, поэтому сборник завершают варианты выхода из колеса перевоплощений: Элиаде предлагает реализовать его с помощью аскезы и медитаций, которые он практиковал на протяжении всей жизни.

Как уже говорилось, неизъяснимая тайна смерти, животный ужас и странное очарование, которое она вызывает, волновали Мирчу Элиаде с ранних лет. В своих мемуарах он упоминает, что уже в детстве переживал острые приступы меланхолии и тоски. Спустя много лет, в «Отрывках из дневника» (*Fragments d'un Journal*) он вновь вернулся к этим моментам и прокомментировал их уже с точки зрения танатологии. А в «Португальском дневнике», будучи на пороге сорокалетия, он вспоминает себя в возрасте

двадцати лет и констатирует, что интерес к проблематике смерти остался неизменным<sup>3</sup>.

Йогические практики Элиаде в определенном плане были обусловлены стремлением познать смерть при жизни. В своем полном исследовании «Йога и бессмертие» (1954) он прямо говорит о йогическом символизме смерти и возрождения: «Другим подтверждением архаизма йоги является ее инициатическая структура смерти для “мира” и возрождения для некоего трансцендентного плана бытия. Йогин стремится к тотальной инверсии “нормального” порядка вещей <...> На всех уровнях человеческого опыта йогин совершает противоположное тому, что требует от него жизнь. На первый взгляд, отказ от жизни, которого требует йога, может показаться страшным — ведь он по сути подразумевает прижизненное переживание смерти»<sup>4</sup>.

Среди многочисленных опытов постижения смерти в ее разных аспектах Элиаде также особо отметил следующее «знаменательное событие»: как-то ночью он проснулся от «трупного запаха» и обнаружил, что у него загноилась папиллома под мышкой. (Примечательно, что в те же дни он вынашивал замысел книги «Смерть и инициация».) Телесный недуг позволил сделать важный вывод о «духовном значении мертвого тела»: «Инициация — это смерть, и всякую смерть, воспринятую благоразумно, можно приравнять к инициации. Но “символическая смерть” (ритуальная, инициатическая) — это не только страдание, пытка, боль

---

<sup>3</sup> *Eliade M. Jurnalul portughez. English. State University of New York Press, Albany, 2010. — P. 213.*

<sup>4</sup> *Элиаде М. Йога. Бессмертие и свобода. — М.: Академический проект, 2014.*

и т. д. — но и ощущение того, что твое тело мертво, примирение с простым фактом, о котором мы, тем не менее, забываем, что мы не только *преходящи*, — мы разлагаемся, и что нужно принять это мертвое тело, которое есть наша плоть, нужно смириться с тем, что и это — тоже мы. Нужно думать не только о душе. Это было бы слишком просто»<sup>5</sup>.

Читатель может обратить внимание, что в данном сборнике не рассматривается феноменология смерти в монотеистических религиях. Одной из причин тому служит вышеупомянутая приверженность Элиаде к индийской религиозной мысли и пантеизму вообще. Однако говоря о европейской традиции, следует иметь в виду, что христианство вобрало в себя множество языческих элементов. В частности, по мнению Элиаде, христология апостола Павла претерпела мощное влияние со стороны орфического учения. Такое предположение позволило ему «вогнать» христианство в свое представление о религии и вывести понятие «космического», или «народного» христианства, в основе которого лежит «христологическая мистерия» (явление, смерть и воскресение Иисуса Христа, воспринятые по модели богов плодородия и спроецированные на природу). Концепция космического христианства является одним из ключей, которыми Элиаде предлагает воспользоваться, чтобы открыть тайну смерти двух основных румынских мифов: миоритического («Миорица») и манолического («Легенда о мастере Маноле»). Эти мифы являют нам два вида «желательной» смерти: «умиротворенная смерть» в слиянии с природой и «плодотворная смерть», из которой рожда-

---

<sup>5</sup> *Eliade M. Jurnal, I, Editura Humanitas, 1993. — P. 273.*

ется новая жизнь. Таким образом, мы вновь возвращаемся к пониманию смерти как нового начала. Юность профессора пришлась именно на тот исторический период, когда эти два мифа задавали тон в определенных кругах, и Элиаде тоже приложил руку к их популяризации (см. его статьи, написанные для «зеленой» прессы<sup>6</sup>). «Вокруг меня столько смертей, что я даже не знаю, как сдержать неистовую радость от того, что из всех этих трупов завтра возрастет новый мир», — писал он в 1934-м, предрекая грядущие события<sup>7</sup>.

Эти роковые события — т. е. многочисленные аресты и казни, лавина которых обрушилась в 1938 году с задержанием Кодряну, Элиаде рассматривал как «космическую смерть», по мифической модели с мировыми потопами. В мемуарах он вспоминает, что после смерти своего учителя Нае Ионеску он стал ждать собственную гибель, ощущая себя втянутым в круговорот «коллективной смерти». Однако, как мы увидим далее, судьба Мирчи Элиаде готовила ему смерть в совершенно иных обстоятельствах.

Пытаясь заглянуть за завесу неведомого, Элиаде постулировал идею о том, что каждый человек сам формирует себе загробный мир, собственную *посмертную географию*: «Буддист найдет там те области и формы, которые знакомы ему по его мифологии и ритуалам; мистик или буддист-метафизик обнаружат Великую Пустоту, блаженство небытия и т. д. Мусульманин, иудей и христианин пройдут через те потусторонние земли, географию которых они приняли и заучили в течение собствен-

---

<sup>6</sup> *Eliade M. Textele Legionare și despre Româanism*. Editura Dacia, 2001.

<sup>7</sup> *Eliade M. Oceanografie*. Editura Cultura Poporului, 1934. — P. 297.

ной жизни. В то время как атеист, по мнению которого здесь все и заканчивается (так кажется только ему, потому что это необоснованное утверждение), столкнется с пустотой, небытием, с ничем. Для него смерть знаменует конец, в то время как другие познают новую форму существования...»<sup>8</sup>

За сорок четыре года до собственных похорон Мирча Элиаде записал в своем дневнике: «Умирать, зная, что оставляешь за собой мир, который понесет твои мысли дальше, зная, что умираешь не напрасно, — я всегда желал себе именно такой смерти»<sup>9</sup>. И судя по свидетельствам очевидцев, ему действительно удалось сконструировать собственный переход в «иную форму существования» — или же он настолько вкладывался в постижение смерти при жизни, что сумел ее умилостивить.

Первым признаком ухода в иной мир для Элиаде стал пожар в его бюро, который нанес некоторый ущерб его бумагам. Как вспоминал Ион Кулиану, он воспринял это как знамение, своеобразное «выжигание» прошлого. Спустя пять месяцев Элиаде попал в больницу с кровоизлиянием в мозг, где скончался 22 апреля 1986 года.

В заключение мы приводим отрывок из воспоминаний Иона Кулиану, душеприказчика Элиаде, который присутствовал на последнем таинстве:

«В пятницу, в пять часов, я переживаю, наверное, самую страшную минуту за все долгие годы, на протяжении которых существование Мирчи Элиаде было для меня залогом мирового порядка: Кристи-

---

<sup>8</sup> *Eliade M. Jurnalul portughez*. English. State University of New York Press, Albany, 2010. — P. 186.

<sup>9</sup> *Eliade M. Jurnalul portughez*. English. State University of New York Press, Albany, 2010. — P. 35.

нель в слезах сообщает мне, что анализы подтвердили рак в последней стадии, что профессор в коме и что его смерть — вопрос нескольких дней, может, даже часов. С этого момента началось Великое Бдение, в котором раскрылась тайна смерти Мирчи Элиаде — то была смерть Будды, *маханаринирвана*.

Когда Кристинель оставалась вдвоем с мужем, она с ним разговаривала. (По ее словам, Мирча Элиаде продолжал улыбаться ей, даже когда его сознание окончательно помрачилось в пятницу.) Не знаю, что она ему говорила. Я свидетель всего лишь отчасти, я только смотрел на остальных, особенно на Кристинель, с восхищением и состраданием и мог лишь представлять себе их невероятную боль. Но я могу с уверенностью рассказать об отдельных моментах Великого Бдения, о тех, которые касались моих отношений с Мирчей Элиаде, Кристинель и прочими друзьями.

В пятницу, ближе к вечеру, я остался с ним наедине и продолжил читать ему новеллу “Лигейя”. Ее мифология и герои: профессор Ла Чура, влюбленный в сирену Лигейю, которая со времен Древней Греции жила в самом синем на свете море, некоторым образом перекликались с переходом, который готовился совершить Мирча Элиаде.

Всю ночь и последующий день Кристинель неподвижно просидела в палате 505, держа мужа за руку. Я тоже бодрствовал, в полном изнурении привалившись к стене. Мне было относительно легко сохранять оптимизм все то время, пока у нас была надежда. Теперь же все внезапно изменилось: Мирча Элиаде вот-вот должен был исчезнуть с горизонта бытия. И только одна мысль, возникшая под конец этой ночи, успокоила меня: мысль о том, что мы сейчас переживаем *паринирвану*. На-

стало время, когда последователи и друзья, собравшиеся со всего мира, должны вобрать последние капли жизни из тела, в котором пока еще пребывала Великая Душа.

В субботу 19 апреля после полудня из-за границы приезжает Натан Скотт. В присутствии нескольких друзей, которые теснятся возле Кристинель в палате, он соборует Элиаде, и голос его дрожит, а затем он читает отходные молитвы вместе с Дэвидом Трэйси и Фрэнком Гамвеллом.

Сердце Мирчи Элиаде все еще работает нормально. Я еще долго не могу осознать, что происходит: учитель дает своим ученикам время прийти. Чарльз Лонг, один из первых его учеников, приехал в Чикаго из-за границы, как и Брюс Линкольн, один из последних и самых дорогих ему студентов, с которым мы учились вместе в 1975 году. Телефон в реанимации не замолкает: звонят со всех концов света [...]

Во вторник утром я иду выполнить кое-какие поручения Кристинель, которая с пятницы ни на минуту не выходила из больницы. Когда я возвращаюсь, меня в палату зовет Уэнди О'Флаэрти; 22 апреля, в 9:15 утра у Мирчи Элиаде упало артериальное давление, но его удивительное сердце, не только великое, но и сильное, все еще продолжает биться. Уэнди знает, что я никогда бы не смог простить себе, если бы в последние минуты меня не было рядом с профессором. Она говорит мне, что и в этом Мирча Элиаде проявил последнюю милость: он ждал, когда я вернусь. Пульс становится все реже и замирает в 9:40. Дэвид Трэйси и Фрэнк Гэмвелл читают последнюю молитву. *Паринирвана* окончена.

Да, мир больше не будет прежним без Мирчи Элиаде. Но после ночи, проведенной в отчаянии, я понял,

что за последние пять дней бдения Мирча Элиаде совершил чудо. В больнице собрались все его друзья и ученики, чтобы поддержать Кристинель и укрепить связи друг с другом. В *маханаринирване*, собрании перед великим переходом, кроется великая мудрость. И вновь я вспомнил себя в возрасте двадцати четырех-двадцати пяти лет, когда я верил, что смогу разгадать в улыбке Мирчи Элиаде тайны вселенной. [...]

Пусть глаза мне то и дело заволакивают слезы, пусть мир будет совершенно иным без Мирчи Элиаде, я все же смиренно принимаю его смерть. В среду, 23 апреля 1986 года, во втором часу дня прошла кремация тела Элиаде на углу Вудлон авеню и 67-й улицы. Между двумя выдержками из Книги Премудрости Иисуса, сына Сирахова, и из Апокалипсиса от Иоанна Богослова, Дэвид Трэйси зачитал вслух и страницу из “Мифа о вечном возвращении”. Во всех православных церквях Америки прошли панихиды за упокой души Элиаде. Под руководством Дэвида Трэйси поминальная служба состоялась в гигантской часовне Рокфеллера в Гайд-парке, на территории кампуса Чикагского университета, и, по свидетельству одного старого преподавателя, это была самая красивая служба, на которой он когда-либо присутствовал. Вместо надгробных речей Сол Беллоу, Поль Рикёр, Уэнди О’Флаэрти и ваш покорный слуга читали отрывки из произведений Мирчи Элиаде на трех языках, на которых он писал до конца жизни: румынском, французском и английском. Чарльз Лонг объяснил суть Великого Бдения, которое было не только результатом сияния, исходящего в мир от более чем пятидесяти книг профессора, но и его невероятной доброты. Натан Скотт (кто бы мог помыслить, что он станет величайшим

архиепископом Кентерберийским?) завершил плач по душе Праведника, которая отошла в руки Божии.

“Мудрец упокоен в мире, ибо Господь испытал его, словно золото в горниле”, — шепчут собравшиеся в церкви. В сущности, как я твержу про себя неустанно вот уже много лет, если этот мир есть камуфляж, как не раз говорили мне Вы, Мирча Элиаде, тогда я счастлив, что жил в той же тайне, что и Вы». (И. Кулиану, «Последние моменты жизни Мирчи Элиаде. *Махапаринирвана*»<sup>10</sup>.)

*Юлия Горноскуль*

---

<sup>10</sup> *Eliade M. Memorii (1907–1960). Editura Humanitas, 1991, 1997. — P. 509.*

## 1. КНИГИ СМЕРТИ

### *Египетская Книга мертвых*

Вера в загробную жизнь привела к тому, что египтяне стали бальзамировать трупы с целью избежать их от уничтожения временем. Существование мумии под землей не слишком отличалось от земного и подразумевало все те же желания и потребности. Вот почему мертвым клали с собой высушенную пищу и одежду или высекали на стенах гробниц сцены, изображавшие полевые работы, выпекание хлеба, сбор винограда, рыбную ловлю — т. е. такие действия, которые обеспечивают жизнь. В гроб к мумии клали и различные священные фигурки, и магические амулеты, чтобы защитить покойного от подземных чудовищ или злых духов.

В то же время после смерти еще остается душа (Ба) и так называемый «двойник» (Ка), о которых мы напишем в другой раз. Душа не ведет целиком подземный образ жизни, а стремится попасть в рай Осириса, в котором блаженствуют души умерших. Все умирающие могут попасть в рай, вооружившись магическими формулами, которые побеждают богов смерти. Позднее, под влиянием идеи о смертности, формулы стали отбирать, исходя из силы заклинаний

или же из благих поступков, которые покойный совершал при жизни.

За почти четыре тысячи лет истории Древнего Египта концепция загробной жизни претерпела ощутимые изменения. Поскольку древние традиции смешивались с последующими нововведениями, проблематика смерти и вечной жизни так и осталась нераскрытой. Вместе с тем нам точно известны ритуалы, которые требовалось совершить душе покойного, чтобы попасть в рай Осириса, бога загробного мира. На каждом гробе вырезались магические тексты, которые сегодня составляют то, что мы называем «Книгой мертвых». Со временем гробы уменьшились и приняли человекообразную форму, места на них больше не оставалось, и тогда погребальные тексты стали писать на папирусах, которые клали на лицо мумии, чтобы покойник мог воспользоваться ими в любой затруднительной ситуации. Такие ритуальные тексты изначально состояли из четырехсот пятидесяти трех статей, затем при Псамметихах (600 г. до н. э.) они были упорядочены, после чего осталось сто шестьдесят пять статей. Их можно было приобрести как для знатных лиц, так и для простого народа у мастеров, бальзамировавших тела. Эти тексты рассказывают о загробном пути усопшего и его злоключениях, пока его не примут в обитель Осириса. Смысл Книги мертвых заключался именно в том, чтобы помочь покойному справиться с трудностями и вооружить его такими магическими формулами, с помощью которых он сможет преодолеть любые преграды.

Покинув тело, душа стучится в двери иного мира, чтобы отправиться в рай. Но на нее набрасываются бесчисленные чудовища, посланные Сетом-

Тифоном, убийцей Осириса. Покойный обращает их в бегство с помощью магических заклинаний и заколдованного копья. При случае он даже не упускает возможность обмануть врагов и кричит им: «В чреве моем то, что тебе ненавистно: я ел от плоти Осириса, я Сет-Тифон!». Вскоре появляется старый бог Атум, дух первозданного океана, вместе с Нут, богиней неба, и они «открывают небесные врата, ибо он прошел врата земные». (Небо означает здесь не видимый небосвод, а иную полусферу над землей.)

Тот и Анубис, боги, приближенные к Осирису, которые любят род человеческий и заботятся о нем, проводят покойного до реки, где в лодке ждет перевозчик. Он задает покойному вопросы, выясняя, известны ли ему тайны подземного царства или нет. В Книге написано: «О, страж таинственной лодки, я спешу, я иду на встречу с отцом моим Осирисом. — Каково мое имя? — Имя тебе мрак. — Каково мое имя? — Имя тебе сопроводитель великой богини в пути ее. — Каково мое имя? — Имя тебе Нут (небо)».

В раю покойный должен был предстать перед судом Справедливости, «на котором человек освобождался от своих злых дел, чтобы заслужить право созерцать лики богов». Вначале покойный мог повлиять на богов, которые судили каждый проступок по отдельности, с помощью магических формул. Однако позднее, в процессе совершенствования морали, правосудие стало вершиться при помощи объективных весов. Суд возглавляли Осирис, восседавший в конце зала на троне, Тот и Анубис: на одну чашу весов они клали душу умершего, а на другую — изображение Маат, богини Правды и Правосудия. Кроме того, на суде присутствовали еще сорок два бога

и Амаат (пожирательница), чудовище с телом наполовину крокодила, наполовину гиппопотама, которая ждала, чтобы поглотить неугодные души.

Войдя в зал, покойный произносил прекрасное воззвание к судьям: «Приветствую вас, умудренные во всех Правах. Приветствую тебя, великий бог, Владыка Истины и Правосудия. Я принес вам Правду и ради вас я избавился от злодеяний». Затем он перечислял грехи, которых не совершал: «Я не делал зла, не творил насилия, не крал, не убивал подло людей, не мучил вдов, не лгал перед лицом судей, не совершал вероломства, не был безрассудным, не делал того, что рассердило бы богов, не морил никого голодом, не причинял страданий, не брал храмового хлеба, не крал жертвенной пищи, не брал еду или гробовые пелены мертвых» и т. д.

Тот взвешивает обе чаши и записывает итог: «Покойный был взвешен на весах: поистине, душа его подобна правде, стрелка весов показывает, что части его совершенны, и в том нет сомнений». Тогда верховный судья, Осирис, выносит приговор: «Покойный, восторжествуй, ибо ты можешь идти куда пожелаешь, к духам и богам». Теперь он узнает имена богов, названия четырнадцати обителей, четырнадцати врат и четырнадцати стражей; все ему под силу. Он считается равным даже самому Осирису: все боги окружают его любовью, поскольку он становится словно одним из них.

Это содержание Книги мертвых вкратце. Безусловно, существует множество повторений и дополнений, однако ее философско-религиозное назначение не пропало втуне. Благодаря ей нам теперь известны все погребальные обычаи и верования египтян касательно загробной жизни.

Те немногие философы, которые жили в Египте, считали смерть наивысшим наслаждением, долгожданным возвращением на божественную родину. Для образованных египтян, — а другие ничего не понимали в Книге мертвых, — земная жизнь была наказанием за первородный грех, поскольку первые люди восстали против Ра. Жизнь представляла собой лишь способ очистить душу и вознестись на нравственную высоту богов, чтобы вновь слиться с Божеством, которое вершит Правду и Справедливость. Однако эта перспектива утратить собственную личность нравилась не всем египтянам. Поэтому многие из них впадали в меланхолию и обращались к эпикурейским удовольствиям — ведь здесь, на земле, душа не может стать совершенной, а по смерти она растворится в Божественном, в котором индивидуальное сознание не может существовать. Поэтому образованная знать любила этот гимн радостей жизни: «Да звучат пред тобой песнь и музыка, не беспокойся о дурном, думай только об удовольствиях вплоть до того дня, когда придется ступить на земли богини, любящей безмолвие... Всегда помни об этом дне, когда тебя отправят в землю, что смешивает людей. Никто не сумел унести с собой все блага и никто не сумел вернуться».

### *Литература самого набожного народа на земле*

На сегодняшний день сохранилось очень мало текстов из богатой древнеегипетской литературы. Папирусы, которыми мы располагаем, открывают нам всего лишь малую толику этого богатства и то не всегда самую выдающуюся, а надгробными

надписями интересуются лишь историки и филологи. Изобилие этих записей, которыми пользовались уже во времена IV династии (около 2 500 до н. э.), дело рук «хранителей книг», было утрачено навсегда в первые века христианства.

Впрочем, по оставшимся крупницам мы можем понять — разумеется, в общих чертах — литературу самого набожного народа, который когда-либо жил на земле. В этом нет никаких сомнений: незримые боги, как и жрецы, наделенные тайными силами, держали в руках всю власть, им подчинялись все, от знати, которая нежилась в прохладных домах на берегах Нила, до работников, пахавших на полях фараона и питавшихся черным хлебом. Египтяне жили в окружении богов и под властью их священнослужителей. Жизнь для них была приготовлением к смерти и наказанием за грехи предков, которые попытались свергнуть бога богов, Ра, «который породил самого себя». Они никогда не забывали о том, что созданы богом, что в этой жизни у них нет никаких прав и что счастье — это проявление божественной милости, что они подобны восковым куклам в руках священнослужителей и верховного жреца, фараона, — которые, в свою очередь, тоже всего лишь действующие представители вечных богов. Как бы ни старался почитатель Божественного Сокола, он не мог избежать влияния, живя среди пугал и святилищ. Долина Царей с ее пирамидами и гробницами находилась достаточно близко, чтобы напоминать ему о бренности земной жизни: погребальные песни, неофиты и аскеты из храмов с их заветными тайнами, маги, которые блуждали по улицам, заклиная змей и замораживая воду, священные благовония и тексты для «выхода к свету»

(Книга мертвых) — все это лишь сильнее убеждало в том, что жизнь является всего лишь прелюдией к смерти. Такая религиозность не была обусловлена моралью: египтяне боялись богов, но не считали обязательным следовать самым благим путем. Они знали, что всегда могут рассчитывать на помощь друга людей, Тота, как и их спасителя, Осириса, что им могут проститься их дурные поступки. Они знали, что боги сами подвластны магическим чарам и что если обладаешь тайным искусством узнавать имя, настоящее имя, то можно добиться от них исполнения любого желания. По этой причине магия носила столь широко распространенный характер в Египте и была так близка к религии. Сама Книга мертвых, ритуальный сборник для посмертного преодоления подземных испытаний, великая надежда египтян, которые не особо почитали нравственность, содержала целые главы с заклинаниями, с помощью которых можно было открыть божественные врата подземного царства. Таким образом, вооружившись магическими формулами и молитвами, египтяне могли добиться вечного блаженства в раю Осириса, даже если они вели недостойную жизнь на земле. Будучи спокойными в отношении смерти, они жили более свободно, нежели многие другие народы Античности.

Однако не все египтяне довольствовались компромиссом между религией и моралью. Находились и такие, особенно из образованного класса, которые пытались осмыслить этот вопрос по-философски. Задаваясь вопросами о существовании человека и богов, о жизни и смерти, они приходили все к тем же пессимистическим ответам из священных текстов: человеческая жизнь всего лишь игра богов, единственная реальность — это смерть; челове-

ская жизнь слишком коротка, а разум слишком слаб, чтобы познать истину, в то время как смерть он познает мгновенно. Египетский философ — который уже не считался египтянином, т. е. окруженным богами, как прежде, — осознавал ничтожность жизни и не находил утешения в смерти, поскольку знал, что в ней душа сольется с душой Осириса, потеряв самое драгоценное — личность. Пессимизм египетских мудрецов привел их к меланхолическому эпикурейству, которое совершенным образом отличался от греко-латинского. И этот дар жить в довольстве, пренебрегая дурными мыслями, пострадал от мрачного влияния египетской меланхолии.

На их развлечениях всегда присутствовали певцы с арфами, которые напоминали им о мимолетности мгновений. А египетские певцы, влюбленные в музыку более, чем какой-либо другой народ из их современников, иногда слагали восхитительные строки, исполненные философии и утешения. Вот пример такого стихотворения: «Да звучат пред тобой песнь и музыка, не беспокойся о дурном, думай только об удовольствиях вплоть до того дня, когда придется ступить на земли богини, любящей безмолвие... Всегда помни об этом дне, когда тебя отправят в землю, что смешивает людей. *Никто не сумел унести с собой все блага и никто не сумел вернуться*».

В такой среде религиозная поэзия должна была развиваться сильнее, чем какая-либо другая. Мы располагаем собранием гимнов, воззваний и заклинаний всем бесчисленным божествам Древнего Египта. Будучи сотворенными и смертными, люди не могли испытывать по отношению к богам — творчим и вечным — ничего, кроме обожания. Они не могли исследовать, анализировать, они даже не осмеливались

просить о милости — только стоять перед каменными статуями и петь дрожащим голосом:

*Ты пробуждаешься, благодетельный Амон-Ра-Хармахис!  
Ты пробуждаешься, победоносный Амон-Ра, владыка двух небосклонов!  
О, благодетельный, блистательный, пламезарный!  
Вот, гребут гребцы твои, те, что Ахиму-Урду!  
Ты выходишь, восходишь, достигаешь вершины, благодетель,  
Управляя баркой, на которой плывешь,  
По верховному повелению матери твоей Нут ежедневно!  
Ты проходишь небо в вышине, и враги твои ниспровергаются!  
Ты обращаешь лик твой к западу земли и неба,  
Закалены кости твои, нежны члены твои, живо тело твое.  
Кипят силою жилы твои, душа твоя полна радости!..*

Описательная литания продолжалась далее в десятках строф. Величие Солнца, что выплывало в барке по небесному океану его матери Нут, настолько захватывало души почитателей, что границы здравого смысла стирались, объемы резко возрастали, и чувства можно было выразить лишь символически. Фразы монотонные, с однообразными восклицаниями в конце, с одинаковым протяжным «Ты» и эпитетами, которые затруднительно объяснить современным языком. Длительные призывы прерываются характерными строфами торжества и радости, короткими, ритмичными, как следующие:

*Силен Ра, слаб нечестивый!  
Высок Ра, попирает ногами нечестивого!  
Жив Ра, мертв нечестивый!  
Велик Ра, мал нечестивый!  
Сыт Ра, голоден нечестивый!  
Напоен Ра, жаждет воды нечестивый!  
Светел Ра, темен нечестивый!  
Добр Ра, зол нечестивый!  
Могуществен Ра, немогущен нечестивый!  
Да здравствует Ра, уничтожен Апон!*

Величие Ра очевидно по сравнению с бессилием Апопа, подземного змея, который скрежещет зубами и угрожает поглотить его каждую ночь. Далее в гимне перечисляются чудеса и героические подвиги Ра, при этом характер описания остается неизменным: «Священный сокол, чьи крыла сверкают, разноцветный Феникс, великий Лев, что живет вне себя и что открывает пути своей барке, рык твой сокрушает врагов, пока ты правишь гигантской ладьей, люди взывают к тебе, боги боятся тебя, ты сокрушил главы врагов своих» и т. д.

Гимн заканчивается радостным возгласом: «Ты явился, ты открыл пути, ты прошел тропами вечности!»

Мы объяснили из этого стихотворного фрагмента только те отрывки, которые демонстрируют поклонение, оставив в стороне другие, в которых испрашивают здоровья и победы фараону. Примитивный характер гимна заключался не в мольбе (просьбе), а в поклонении. Изначально бог представлял собой табу, т. е. нечто запретное, — и только после этого тотем, т. е. защитника членов большого племени, от которого можно было добиться чего-либо с помощью молитв и даров.

Несмотря на всевозможные триады и монады, созданные жрецами, египтяне, обращаясь к какому-либо богу с подношениями, никогда не озвучивали его определенный ранг в подземном царстве или на небе, а называли его самым совершенным и всевластным повелителем. Это было обусловлено либо желанием, чтобы бог лучше внял просьбе, либо монотеистической концепцией божества, которая имелась у священнослужителей, сочинителей этих молитв и гимнов.

К примеру, вот отрывок из взывания к Осирису, богу подземного царства, датированного време-

нами XIX династии: «Величия тебе, Унуфру, Спаситель, омолаживающий сам себя: ты взял себе знаки власти солнца. Величия тебе, являющего себя как царь! Ты возложил венец на свое темя».

Такая же характеристика дается и богу солнца Ра. Вот также литании Шу, полуденному солнцу: «Ты самый великий, ты более непревзойденный, чем боги, во имя твое Сверхвеликого бога, Ты выше небес... О, творец собственного тела! О, неповторимый властитель, рожденный Нун! О, неповторимое существо, сотворившее само себя!» и т. д.

В иной раз в гимне подробно разбираются силы и свойства бога, которые тем самым вызывают почитание. В этих хвалебных песнях Осирису явственно прослеживается психологическое развитие: «Он заботится обо всем и может повелевать небом и землей... Он самый старший, первый среди своих братьев, предводитель богов; он тот, кто поддерживает порядок в двух мирах и дарует сына отцу; он хвала Отца, или Геба, любовь матери своей Нут. Великий воин, он сокрушил нечестивого, непобедимый, он уничтожил врагов, заставил бояться всех тех, кто его ненавидит; отважно ступают ноги его; он сын Геба, владыка двух миров».

Гимн продолжает перечислять все качества Осириса и его деяния, в которых ему помогала сестра и супруга Исида. Постепенно он становится повествовательным, больше не адресуется богу и прославляет только его силу.

Вся религиозная поэзия создавалась жрецами и писцами, которые служили при крупных храмах. Поэтому эти гимны содержат довольно обширные религиозные знания и такие малопонятные пассажи. Несмотря на то что они — в том виде, в котором

мы рассматриваем их сегодня, — сочинялись для непосвященных, местами в них наблюдаются отрывки, которые отсылают к египетской эзотерике. К тому же многие воззвания и хвалебные песни на надгробиях были написаны на тайном символическом языке, который не могут расшифровать даже современные исследователи.

Религиозная поэзия вообще во многом сопрягается с магией, которая играла столь значительную роль в спасении египтян. Авторами магических заклинаний и проклятий были маги или даже жрецы. Как мы уже говорили, сама Книга мертвых полна магии, что удерживает нас от ее разбора на этих страницах. Приведем лишь несколько символических, оккультных строк из папируса с заклинаниями:

«Приблизься ко мне, о, повелитель богов! Отгони от меня львов, пришедших с суши, крокодилов, вылезших из реки, пасти всех кусающихся тварей, вышедших из своих нор! Остановись, крокодил Мак, сын Сета! Не крути своим хвостом! Не греби своими лапами! Не открывай пасть! Да обратится вода в горящее пламя пред тобою! Да вонзится копьё семидесяти семи богов в твой глаз! Ты, которого заковали в железные оковы перед ладьями Фра! Остановись, крокодил Мак, сын Сета, ибо я Амон, сотворивший себе мать!»

Для того чтобы прояснить взаимосвязи между магией и египетской поэзией, следует вникнуть во множество тайных мифологических деталей и прочесть множество текстов. Поэтому мы ограничимся лишь тем, что приведем последний отрывок, автор которого, чтобы заморозить воду, перечисляет имена самых значительных богов, и добрых, и злых, наполняясь их силами: «Не иди против меня!

Я Амон. Я Анхур, бодрый страж. Я великий владыка  
оружия! Не поднимайся! Я Монту! Не пытайся вос-  
прянуть! Я Тифон! Не простирай ко мне руки!  
Я Сатис! Не касайся меня! Я Сет!...»

### *Тибетская Книга мертвых*

Мы знаем достаточно о концепции смерти, раз-  
работанной человечеством за века. Например,  
мы знаем, что для «первобытных» людей, как и для  
азиатов, не существует естественной смерти — она  
всегда наступает вследствие некоего случая, враже-  
ского действия или божественной кары. Но в отноше-  
нии этого необратимого явления есть более интерес-  
ные вещи — и о нем самом мы еще многого не знаем.  
Существуют так называемые трактаты, посвященные  
«искусству умирать», как, например, средневековые  
издания *De arte moriendi* (вышедшие под великолеп-  
ной редакцией Ф. М. М. Компера<sup>11</sup>) или часть Прета-  
канды из «Гаруда-пураны», не говоря уже  
о египетской Книге мертвых и об орфических эсхато-  
логических отрывках. Этим книгам присуще необъ-  
яснимое очарование. В них излагается техника смер-  
ти, т. е. искусство успешно миновать стадию агонии,  
победить животный страх и отпустить душу  
в путешествие, которое каждый воображает себе  
в зависимости от религиозных представлений. С точ-  
ки зрения антропологии, эти книги представляют со-  
бой настоящий *clavis absconditorum*<sup>12</sup>. Мне кажется,

---

<sup>11</sup> *Comper F.M. M. The Book of the Craft of Dying. London, 1917.*

<sup>12</sup> *Clavis absconditorum a constitutione mundi* — «Ключ, скрытый  
в строении мироздания», название эзотерического трактата Гильома  
Постеля (XVI в.). — *Прим. пер.*

что концепция смерти, развитая культурой или народом, в полной мере освещает ценности и жизненные ориентиры данного народа.

Благодаря трудам ученого-тибетолога и деятельного англичанина из Оксфорда мы теперь располагаем трактатом об искусстве умирать, полным и малопонятным, как и вся литература этого загадочного народа. Речь идет о тибетском трактате «Бардо Тхёдол», или «Освобождение посредством слушания в посмертном состоянии», в переводе ламы Кази Дава-Самдупа под редакцией В. И. Эванс-Венца, который также написал комментарии и примечания к изданию. Эванс-Венц, доктор филологических наук из Оксфорда, продолжил заниматься тибетской темой и опубликовал прекрасный перевод Миларепы<sup>13</sup>. Книга вышла в 1927 году под названием «Тибетская Книга мертвых»<sup>14</sup> и наделала много шума среди ориенталистов — не из-за своего содержания, а из-за расплывчатых трактовок Эванс-Венца. Лама Самдуп был тибетцем, знал язык и обычаи, изучал магические практики школы кагью-па и в достаточной мере явил свои богатые знания, чтобы получить звание преподавателя тибетского языка в университете Калькутты (с 1920 по 1922 год, когда он умер из-за климата). Еще при жизни лама Самдуп опубликовал большой тибетско-английский словарь<sup>15</sup> и тибетское издание с английским переводом одного очень любопытного тантрического текста, *Śrīcakrasambhāra*<sup>16</sup>.

---

<sup>13</sup> Миларепа Шепя Дордже — учитель тибетского буддизма, знаменитый йогин, поэт. — *Прим. пер.*

<sup>14</sup> Изд. Oxford University Press, 290 стр.

<sup>15</sup> Изд. «Университет Калькутты».

<sup>16</sup> Том II «Тантрических текстов», Мадрас, 1919.

Что касается редактора и комментатора, то создается впечатление, что его вскормленная оккультизмом фантазия часто заставляет его преувеличивать, например, когда он выводит общие корни с египетским погребальным церемониалом, основываясь на сходстве, или когда пытается объяснить такие факты, которые понятны лишь специализированному ориенталисту. Насчет качества книги и комментариев я консультировался с тремя крупными авторитетами по Тибету: с профессором Жаком Бако из Практической школы высших исследований во Франции, с Йоханом ван Маненом, секретарем Азиатского Общества Бенгалии, и с профессором Туччи из Римского университета. Первый принял только перевод; второй нашел перевод неточным, а комментарии — абсурдными. Не будучи тибетологом, я решил предостеречь читателей. А главное, я ничего не узнал от тех лам, с которыми я общался в монастыре на границе Сиккима в 1929 году. В Сиккиме и даже в Дарджилинге можно найти множество изданий «Бардо Тхёдола». Я лично купил на рынке в Гуме пять разных изданий для библиотеки в Касим Базаре. Одно из них, очень красивое, было отпечатано на древесине Гьянгдзе (я имею в виду тибетскую блочную печать).

Вводная часть завершена, и теперь мы можем перейти к обсуждению руководства по тибетской танатологии, чей антропологический интерес неоспорим, какой бы современной и псевдо-оккультной ни была трактовка.

«Бардо Тхёдол» — это церемония, посредством которой в течение сорока девяти дней со смерти лама поддерживает душу умершего и которая, по мнению тибетцев, образует промежуточное со-

стояние (*бардо*, *антарабхава* на санскрите) между осознанием жизни и осознанием смерти. В этот промежуток душа проходит ряд испытаний, которые не относятся к явлениям этого мира и не представляют собой буквальное блаженство существования сознания (рай Амиитабха в махаянской концепции). Если в течение жизни человек не занимался медитациями и не имеет опыта буддистской аскезы, если он не знал, что все явления ирреальны, словом, если он жил простой человеческой жизнью, как живет почти весь Тибет, то он очнется в «промежуточном» состоянии без ориентиров, ничего не понимая, станет добычей животного ужаса и, ослепленный им, вновь сойдет в жизнь, в следующее воплощение.

Цель «Бардо Тхёдола» — именно спасти душу от дезориентации и ужаса и направить ее в рай Амиитабха, в махаянскую Нирвану. Иными словами, это посмертная инициация. Если при жизни у человека не было времени познать бытие (выражаясь метафизически), то он познает его в великом испытании агонией, а если не познает его и тогда, то лама читает над ним «Бардо Тхёдол», и он учится посмертно.

В данном церемониале есть и добуддийские элементы, чисто магические (религия бон у тибетцев), и влияние буддизма, поскольку в начале Средних веков Тибет принял махаянский буддизм. Поэтому он представляет собой такой интерес для культурной антропологии Азии. Практикуется намеренное спасение, на расстоянии, совершаемое магическими силами церемониала Бардо, которое лама читает на протяжении сорока девяти дней.

Для того чтобы понять следующее, нужно сказать, что в данном трактате «промежуточное» состояние делится на три стадии, через которые должна

пройти душа умершего. Первая стадия длится три дня с момента смерти. Она называется *Чигай Бардо* (фонетическая транскрипция с тибетского), т. е. «промежуточное состояние момента смерти», во время которого «душа» не осознает, что наступила смерть, и пребывает в трансе, поскольку не имеет опыта разделения с телом. Вторая стадия, *Чёнид Бардо*, «промежуточное состояние переживания реальности», пробуждает в душе кармический опыт (объясняя термин словами из трактата). Наконец, на третьей стадии, *Сидпа Бардо*, «промежуточное состояние перерождения», душа входит в новое воплощение.

Как мы уже говорили, задача церемониала состоит в том, чтобы предотвратить реинкарнацию души и направить ее в рай Амитабха. Но в случае, если это невозможно, если душа напугана фантастическими переживаниями посмертного пути, лама пытается обеспечить по крайней мере более благоприятную реинкарнацию.

Переход от стадии к стадии протекает во временном трансе, который в каком-то плане аналогичен процессу рождения. Впрочем, это не поверхностная аналогия: как мы видим, церемониал дает точные предписания того, как достичь второго рождения души, чтобы получить возможность проникнуть в Амитабху. С точки зрения магии этот план воздействия на душу не является абсурдным. Но мы находимся в самом начале этого инициатического руководства.

## Агония и переход

Когда начинается агония, лама из окружения умирающего должен держать его в сознании, чтобы он храбро, с ясными мыслями вошел в смерть. Если он засыпает, ему давят на артерии, и он пробуждается, потому что, согласно тибетской концепции, «душа» (жизненная сила, анимическая энергия) должна выйти строго из *брахмарандхры* (черепной шов, известный в медицине как «Монроево отверстие»). Поэтому ясное сознание не должно покидать умирающего ни на миг.

В это время лама, который был его гуру, повторяет ему на ухо множество раз следующие слова: «О, благородный имярек, пришло твое время искать Путь Реальности. Дыхание твое вот-вот прервется. Гуру поставил тебя лицом к лицу с Ясным Светом, и теперь ты готов познать реальное в промежуточном состоянии, в котором все вещи подобны чистому, безоблачному небу, а обнаженный, чистый разум подобен прозрачной пустоте без очертаний и без центра. В этот момент познай самого себя — и оставайся в этом состоянии. Я ставлю тебя лицом к лицу с Реальностью»<sup>17</sup>.

Лама повторяет этот наказ, «чтобы он отпечатался в уме», как говорится в тексте. Следует помнить, что это магическая инициация, притом экстренная, практически на пороге иного мира, и доброе напутствие, выполненное должным образом, содержит в себе целое религиозное учение. Поэтому лама наставляет умирающего не бояться всего того, что он увидит в первые дни после смерти, по-

---

<sup>17</sup> «Бардо Тхёдол», перев., стр. 91.

скольку видения божеств, мирных и гневных, нереальны, их порождает сознание. Перед душой развернется целое представление, но персонажи и действия нереальны в метафизическом смысле слова, их бытие относительно, преходяще, оно порождено и вскормлено страхами, суевериями, невежеством человеческого сознания. После смерти человек увидит и прочувствует все то, что он представлял себе и думал о смерти и религии на протяжении жизни. Но это все лишь видения, иллюзии, страхи. Тот, кто знает об этом и не испытывает страха, минует промежуточное состояние за несколько часов, дней или даже (как в случае йогов) моментально попадает из жизни в Нирвану, без состояния Бардо.

Как мы уже отмечали, посмертное руководство читается именно с целью пробудить душу в «реальности», пробудить ее ото сна. Жизнь и состояние Бардо между двумя жизнями есть сон, поэтому в махаянской концепции все явления относительны и иллюзорны, будь то явления прижизненные или же посмертные. Истинной реальностью является лишь Нирвана, невыразимое, трансцендентное, бездейственное блаженство.

По наступлении смерти из комнаты выводят родственников и друзей, а покойного оборачивают полотном и укладывают в позу эмбриона (колени поджаты ко рту, ноги скрещены, как у йогов), которая символизирует переход в иной мир и означает переход в промежуточное состояние. Все время, пока тело находится в комнате, т. е. от двух до трех с половиной дней, покойному предлагается пища. После, когда тело выносят (и сжигают, либо закапывают, либо расчлениют на куски для птиц, и т. д., поскольку у тибетцев существует множество видов по-

гребения), пища предлагается его изображению в течение сорока девяти дней. Это умножение 7\*7 — важная деталь, которую мы найдем и в других «Книгах мертвых». На протяжении сорока девяти дней читаются соответствующие главы из «Бардо Тхёдола» сообразно путешествию души в ином мире. По окончании погребального ритуала изображение покойного сжигают, а по цвету и направлению пламени определяют его посмертную судьбу: перевоплотился ли он или перешел на иной уровень бытия.

Что же происходит в это время с душой? «Бардо Тхёдол» прослеживает ее путешествие и помогает ей в тяжелых испытаниях, напоминая, что бояться нечего: все хорошее и плохое, что ей встречается там, в состоянии Бардо, это всего лишь ее собственные радости и страхи, вспышки разума, которые обретают форму и устраивают инсценировки в состоянии посмертного сна согласно непознаваемым и мучительным законам кармы.

В начале, в момент смерти, человек чувствует, как «земля претворяется» в воду. Это первый признак осознания смерти, который сопровождается ощущением холода, перерастающего в жар, «воды, претворяющейся в огонь». В конце приходит ощущение, будто тело испаряется, «огонь претворяется в воздух».

Лама, который отслеживает этот распад, шепчет на ухо умирающему: «О, благородный, сосредоточься... настал час смерти... пытайся вспомнить все благочестивые дела, которые ты творил при жизни... о, благородный, внимай. Сейчас ты испытываешь Сияние ясного света истинной Реальности. Познай его! О, благородный, твой разум, пустота в своей истинной сущности, пуст по своей природе, он есть истинная Реальность и Благо (в санскрите:

*Dharmadhātu Samanta-Bhadra*, воплощение Дхармакайи, первого тела Будды). Твой разум есть истинное сознание, Будда. Твое сознание, сияющее, пустое, не имеет ни начала, ни конца, оно само есть Немеркнущий Свет, Будда Амитхаба... Достаточно знать это. Познав, что пустота твоего разума — это именно сущность Будды, ты сам останешься в состоянии Божественного разума Будды».

Если у души хватало сил «созерцать реальность в лицо», постичь тождественность своего сознания с Буддой, не поддаваться иллюзиям собственного подсознания и драматическим видениям, порожденным жизнью разума, то она проходила напрямую в неизъяснимое состояние Нирваны. Но так случается крайне редко. Обычно первые посмертные испытания поражают и ослепляют душу. У нее не хватает сил познать условность и пустоту. Она остается возле тела, и ей кажется, что она не умерла. Она продолжает существовать среди явлений. Она вопрошает себя: «Жива ли я или мертва?».

Тогда лама понимает, что душа перешла во вторую стадию, *Чёнид Бардо* («вторичный ясный свет, видимый сразу по смерти»), и начинает читать наставления, чтобы помочь ей избежать хотя бы на этом этапе «жажды существования» и вынудить ее остаться на высшем уровне человеческого бытия.

Здесь начинается символическая драма знакомства души с космическими божествами — она не понимает, что это всего лишь фантастические видения, и устремляется к ним с радостью либо бежит прочь в страхе, хотя эти образы можно преодолеть и сосредоточиться на единственной реальности, Будде.

## *Рай и ад в тибетской Книге мертвых*

По завершении первой посмертной стадии душа оказывается в мире фантастических образов мирных и гневных божеств, космических божеств и т. д. Так начинается вторая стадия промежуточного состояния, *Чёнид Бардо*. Обнаружив свое новое состояние, душа восклицает: «Что произошло?» (стр. 105). Она еще не осознает кармический характер фантастического мира, в который она вступает. Поэтому здесь, на земле, лама произносит перед изображением покойного: «Ты услышишь подлинное звучание реальности, словно разом ударили тысячи молний. Так по-настоящему звучит твоя истинная душа. Не смущайся, не бойся, не ужасайся, заслышав ее. Тело, которое у тебя сейчас есть, не настоящее, это тело-сознание твоих инстинктов и привычек. Поскольку у тебя нет материального тела из плоти и крови, то что бы ни происходило, звуки, свет или лучи не причинят тебе вреда: ты не можешь умереть. Тебе достаточно знать, что эти призраки суть твои собственные мысли в форме. Познай в этом состояние Бардо. О, благородный, если ты не познаешь формы своих собственных мыслей, то какими бы ни были твои медитации и обеты при жизни, свет смутит тебя, звуки испугают тебя, а лучи приведут тебя в ужас. Если ты не постигнешь этот важнейший ключ учения, не будучи в состоянии познать звуки, свет и лучи, тебе придется вновь блуждать в земном мире обликов и страданий (*сансара*)».

Все эти наставления, которые лама сообщал умершему посредством магического посыла, имели своей целью пробудить покойного в реальности,

т. е. в осознании пустоты и условности испытаний, которые ждут его в Бардо.

Теперь душа начинает путешествовать по фантастическому миру, и лама постоянно заботится о том, чтобы напоминать ей об условности этого мира. Покойный встретит множество божеств — мирных и свирепых, но они не обладают автономным онтологическим существованием, они происходят из самих земных переживаний души (*карма*). Она увидит рай и ад, столкнется со множеством впечатляющих видений, будет чувствовать к ним влечение или отвращение — но всего этого не существует в состоянии Бардо, это оно создает их из подсознания умершего. Душа встречает саму себя, размноженную, персонифицированную, объективизированную силой кармы, — и боится самой себя.

На протяжении семи дней возникают мирные божества, а в последующие семь дней — устрашающие. Когда душа предстает перед божеством, то она пытается узнать в душе покойного те свойства или дефекты, которые идентифицируют его с этим божеством. Это посмертная инициация, в том смысле, что божества смерти узнают и продвигают душу к наивысшему уровню человеческого существования. Каждое божество — это зеркало, в котором покойный ищет сходство: что и как он сделал в жизни, чтобы его можно было идентифицировать с тем или иным божеством?

Мирные боги представляют собой персонификации всех высоких человеческих чувств и происходят из переживаний в центре сердца. Доктрина витальных центров в восточной концепции не имеет ничего общего с физиологией, с центром, или серединой, в медицинском понимании. Гневные боги —

это персонификации рассудка, они извергаются из переживаний в центре черепа. Наконец, домашние божества персонифицируют те силы, которые удерживают человека в его земном существовании. Следует повторить, что все эти классы божеств представляют собой исключительно внешние проекции, в фантастических (сноподобных) категориях переживаний и сил подсознания, зафиксированных сознанием во время земной жизни. Таким образом, мусульманин так же будет иметь посмертные видения, антиматериалист увидит иной рай и ад, — как и индуист, буддист или христианин. Весь посмертный мистический театр представляет собой всегонавсего вереницу простых мысленных видений. Если умерший узнает и поймет это, он достигнет Реальности и спасется от *сансары*, мира обличий.

Мирные образы воспевают душу, гневные — устрашают. Душа хочет сбежать от них, но поскольку они неотделимы от нее, то куда бы она ни бежала, они следуют за ней. Вот почему душа проживает семь дней кошмара и неимоверного ужаса — только по собственному неведению. Ей не следует ни бояться, ни прельщаться. Она должна сохранять спокойствие, уверенность и желание освободиться от мира обличий. С разумом в Будде она должна пройти рай и ад, ведомая лишь одним желанием — обрести свободу.

*Конец ознакомительного фрагмента.*